

доваль ея горячаго, страстнаго темперамента, и его природа была скорѣе фламандская, чѣмъ испанская. Русскій историкъ далѣе доказываетъ, что появлявшіеся иногда у Карла признаки меланхолическаго настроенія имѣли только мимолетное значеніе, что тяжкая болѣзнь, двукратно посѣтившая императора, была слѣдствіемъ усиленныхъ трудовъ на войнѣ и не вызывала никакого мрачнаго душевнаго настроенія или отвращенія отъ свѣтской дѣятельности; съ другой стороны, Кудрявцевъ показываетъ, какъ недостаточно Минье взвѣсилъ значеніе, которое имѣли въ жизни Карла извѣстныя неблагопріятныя для него событія, и въ результатъ приходитъ къ слѣдующей формулѣ, выражающей его, противоположное Минье, мнѣніе: внѣшнія событія играли гораздо болѣе значительную роль въ жизни Карла V, чѣмъ думаютъ. Ошибочно полагать, что изъ однихъ природныхъ свойствъ и недостатковъ его организаціи объясняется все теченіе его жизни и важнѣйшіе въ ней повороты. Въ Карлѣ V болѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь изъ его современниковъ, не надобно ни на минуту забывать по преимуществу—*политическаго дѣятеля*. Если онъ хотѣлъ класть свою печать на событія и давать имъ направленіе по своей волѣ, то они, въ свою очередь, еще сильнѣе, можетъ быть, отражались на его собственной судьбѣ. „Скажемъ прямо,—восклицаетъ Кудрявцевъ:—на нашъ взглядъ, отреченіе Карла V скорѣе вытекало изъ его положенія и хода внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ изъ его душевныхъ расположеній. Какое бы развитіе ни получилъ крившійся въ немъ зародышъ болѣзни, едва ли бы когда онъ взялъ совершенный верхъ надъ его привычкою властвовать“.

Такая формула возлагала на историка обязанность обстоятельнаго внѣшняго обзрѣнія политической дѣятельности Карла V и оцѣнки нравственнаго вліянія, которое она имѣла на императора. Если отреченіе Карла V отъ престола было слѣдствіемъ его недовольства результатами этой политической дѣятельности, то нужно было знать, чего же именно ждалъ для себя Карлъ V отъ нея, нужно было выяснить *идею* знаменитаго царствованія. Приходилось установить *идеалы* и планы Карла V, „чтобы стали понятны тѣ глубокія противорѣчія, въ которыхъ запутался императоръ, думая подчинить ходъ великихъ всемірныхъ событий своего вѣка своей личной политикѣ“, чтобы постигнуть *тайну того безплодія*, которымъ, по мнѣнію Кудрявцева, несмотря на могущественныя средства императора, поражена почти вся его политическая дѣятельность и сознаніе котораго привело его, наконецъ, къ отреченію отъ власти. Такимъ образомъ, Кудрявцевъ возвысилъ инте-